

ГЛАВА 1

— Пригнитесь, — вполголоса бросил через плечо провожатый, и Сергей с Макаром подчинились, не раздумывая: в этом месте стоило слушаться беспрекословно.

— Что, кто-нибудь летает? — осторожно осведомился Сергей, чувствуя себя до крайности неудобно — согнувшись, в полутьме, не зная, чего ожидать.

— Птеродактили, — буркнул идущий следом Илюшин.

Бабкин хотел сказать, что он не удивился бы и птеродактилям, но промолчал. Темнота здесь была странная, вот что: клочковатая, местами собирающаяся в чернильные пятна, а местами светлеющая без всяких видимых причин, будто разведенная невидимым источником света до состояния густого синего тумана. И еще она пахла.

Запах тоже смущал Сергея, потому что нельзя было сказать определенно, от чего он исходит, а Бабкин не любил неясностей. Пару раз ему казалось, что он улавливает тягучий аромат восточных специй — это случилось тогда, когда они окунались в туман, — но затем запах специй исчез, и ему почудилось, будто вокруг вы-

росли какие-то сладкие дурманящие водяные цветы вроде лилии. Впрочем, он был не уверен, что так пахнет именно лилия.

— Не птеродактили. Просто потолки низкие, — проговорил провожатый, и Бабкин с Илюшиным не сразу поняли, что он отвечает на заданный минуту назад вопрос.

Когда они попали в этот коридор, ведущий сквозь скалу с шершавыми, теплыми на ощупь стенами, темнота сразу нежно обняла их, и некоторое время они двигались, почти ничего не видя перед собой, кроме узкой спины мужчины в белой рубашке. Тот шел уверенно, не зажигая фонаря, висевшего на поясе, и только коротко предупреждал о возможных препятствиях. Лишь в одном месте, когда тьма раздвинулась, словно занавес, и они оказались возле шумящей стены воды, падающей с потолка, взбивающей снизу дымку мельчайших брызг, мужчина в рубашке остановился, закатал рукав и на несколько секунд сунул руку под воду — по самый локоть. Сделал движение, как будто что-то переключил, а затем, поморщившись, вытащил руку обратно, стряхнул тяжелые капли и пошел дальше, даже не позаботившись о том, чтобы выжать край намокшего рукава.

Под ногами хрустела мелкая галька, перемешанная с песком. Коридор два раза завернул влево, и шум водопада превратился в шорох, который заглушался звуками их собственных шагов. Темнота здесь была сродни ночным зеленым теням в саду, и пахла тоже садом — влажным, душноватым после летнего дождя. В отличие от Макара Сергей Бабкин плохо видел в темноте, но он готов был поклясться, что перед ними — тупик.

— Стойте.

Провожатый, почти не задержавшись, провел рукой по стене. Послышался короткий писк, и дверь, скрытая

в стене, приоткрылась; мрак отшатнулся назад, и в зеленоватом призрачном свете, падавшем из пещеры, куда она вела, стало видно, что на самом деле створка — деревянная, покрашенная под цвет красноватого камня. Когда Сергей с Макаром, пригнувшись, нырнули внутрь, провожатый прикрыл ее и сделал приглашающий жест рукой: «Идите».

«Пещера Али-Бабы», — ошеломленно подумал Сергей, оглядываясь. Вокруг действительно был большой грот — с высоким потолком и желтым песком под ногами. С одной стороны стена была завешана восточными коврами, и несколько таких же ковров пестрыми волнами лежало под ними. Неподалеку, почти на треть утопленные в песок, накренились два кованых сундука: из-под приоткрытой крышки ближнего змейкой выползала золотая цепочка, с конца которой бело-розовой каплей свисала крупная жемчужина. Поблескивающие, словно облитые расплавленным воском, сладости на подносах; выстроившиеся друг за другом кальяны, один больше другого; пузатые чаши толстого изумрудного стекла на грубой полке, крепившейся к стене, за которыми угадывались очертания бутылок, волшебным образом менявших форму в зависимости от преломления рассеянного света в стекле чаш... Свет здесь тоже был волшебный: зеленоватый, переменчивый, будто вода, покачивающаяся в десяти шагах от ковров с сундуками.

Небольшое озерцо с дальней стороны ограничивалось каменной стеной, и там, где вода подходила к камню вплотную, она меняла цвет: из зеленой становилась красноватой, в тон отраженной скалистой стене.

А неба эта вода не отражала вовсе. Потому что неба над ней не было — только каменный потолок грота, накрывавший, словно крышка гигантской сковороды, и песок, и крошечное озерцо с красно-зеленой водой.

Возле воды и лежала хозяйка этого грота наслаждений. В тишине, нарушаемой лишь скрипом песка под ногами, Сергей с Макаром подошли к ней и остановились.

Русалка была мертва. Тело казалось выброшенным волной на берег, хотя оба знали, что это невозможно — таких сильных волн здесь не было. Раздвоенный кончик длинного хвоста, серебристого с проблесками редких золотых чешуек, бессильно колыхался на поверхности воды. Длинные светлые волосы вились по песку следом за белой рукой, вытянутой вперед, словно в отчаянной попытке избежать смерти, нырнуть в золотой песок и раствориться в нем.

Бабкин присел, натягивая перчатки.

— Тело переворачивали? — сухо зато спросил он.

— Да, — ответил после паузы один из мужчин, сидевших на корточках в нескольких шагах от убитой.

От этого короткого слова молчание, сковывавшее всех, будто лопнуло, и заговорили сразу двое:

— Снимки сделаны, камера у нас с собой.

— Ее и без вас нашлось кому ворочать.

Бабкин поднял глаза и внимательно посмотрел на человека, бросившего последнюю реплику. Парень вызывающе откинул голову назад, но быстро стушевался и отвел взгляд.

Бабкин повернулся к телу и осторожно перевалил русалку на спину. Наклонившийся сзади Илюшин только вздохнул: синеватая вдавленная полоса охватывала шею. Веревка, оставившая этот след, сползла чуть ниже и под игрой теней и света казалась живым существом: было похоже, что она вот-вот скользнет в песок и без всплеска уйдет под воду.

— Странгуляционная борозда замкнутая, — вслух подумал Сергей. — Чего и следовало ожидать...

— То есть, если я правильно помню теорию, это почти наверняка удушение?

— Именно. Хотя тут и без борозды ясно, что вряд ли дама сама с собой покончила таким заковыристым способом. Что сказал эксперт о времени смерти? — спросил Бабкин, не оборачиваясь, лишь чуть повысив голос.

— Три часа как мертва, плюс-минус, — тут же с готовностью откликнулись сзади.

Макар и Бабкин переглянулись. Три часа... Оперативно сработал Игорь Васильевич, ничего не скажешь.

Илюшин перевел взгляд на убитую. Перед ним лежала женщина лет сорока с выразительным, красивым лицом. Светлые, под цвет волос, брови, голубоватая кожа, обескровленные губы... Она и впрямь казалась русалкой, вынырнувшей из глубин подземного озера и погибшей в шаге от родной стихии.

Сергей, не снимая перчаток, поднял одну за другой кисти рук жертвы и осмотрел ее пальцы. Следы под ногтями на первый взгляд не видны, но это еще ни о чем не говорит... «Экспертиза покажет».

— Вы осматривали... э-э-э... помещение? — поинтересовался он.

— Само собой. — По голосу ответившего было слышно, что он задет. — Что уж вы... такими-то вопросами обижаете...

Сергей обернулся. Трое мужчин, сидевших на песке, выжидательно смотрели на него, словно признавая его старшинство, и только один щурился на воду: тот самый парень, который сказал про «ворочать». «С этим типом могут возникнуть сложности. Только проблем такого рода нам не хватало».

— Ну что? — тихо спросил Илюшин. — Серега, сейчас ты решаешь. Что скажешь?

Бабкин вздохнул, потер лоб.

— Чего тут решать... Пошли к Перигорскому. Слышь, Сусанин! — позвал он провожатого, темной тенью застывшего у двери. — Веди нас обратно. И если есть путь, на котором не надо сгибаться в три погибели, то лучше выбери его.

Сидевшие группой мужики хмыкнули, один откровенно засмеялся. Макар вопросительно вскинул брови, оглядел пещеру, но если здесь и была вторая дверь, то ее тщательно замаскировали.

— Есть такой путь, — согласился бесшумно подошедший провожатый. — Вы купаться любите, господа сыщики?

— Да, — живо ответил Илюшин.

— Нет, — одновременно с ним сказал Бабкин.

— Если нет, то прошу той дорогой, которой пришли.

— А если да?

— А если да, то прошу сюда. — Он указал на воду.

— В каком смысле? — озадаченно спросил Сергей.

Илюшин, ни слова не говоря, подошел вплотную к озерцу и, вытянув шею, стал заинтересованно рассматривать дно.

— В прямом, — пожал плечами провожатый, принимаясь расстегивать рубашку.

— И все-таки... — начал Бабкин.

— Через озеро, — сообщил Илюшин, закончив изучать дно, и в голосе его прозвучало удовлетворение. — Потрясающе придумано!

— Совершенно верно. — Мужчина бросил рубашку на песок и начал расстегивать брюки. Действие это в непосредственной близости от трупа показалось Бабкину кощунственным, и он зло бросил:

— Кончайте цирк. У вас человек умер, а вы каким-то идиотизмом занимаетесь.

Провожатый замер, сжимая в руке ремень. В глазах его мелькнула растерянность, сменившаяся пониманием.

— Простите, — виновато проговорил он. — Вас же не предупредили... Второй путь действительно ведет через озеро. Мы-то привыкли, вот и не задумываемся... — Он покосился на труп, шмыгнул и нервно закончил: — В самом деле, извините. Ничего плохого сказать не хотел.

— Второй путь в пещеру проходит через озеро, — почти дословно повторил его слова Игорь Перигорский, когда двадцать минут спустя Сергей Бабкин и Макар Илюшин оказались в его кабинете. — Вы все потом сами увидите.

Высокий, лысый, очень худой, всем своим обликом удивительно напоминающий засушенного богомола, Игорь Васильевич Перигорский сидел в кресле, положив руки на подлокотники и время от времени сгибая и разгибая их в локтях, что только усиливало сходство с насекомым. Умные глаза под полукружьями тяжелых, темных, больших, как тарелки, век смотрели не на Макара с Сергеем, а в окно, за которым сверкал высокий стеклянный купол, казавшийся набитым зеленью, словно банка — водорослями. Оранжерея номер один. Или, по терминологии служащих «Артемиды», первая сцена. Именно с ней у Бабкина были связаны неприятные воспоминания: в свое время пребывание в оранжерее закончилось для Сергея парализующим уколом.

С Игорем Перигорским Илюшину и Бабкину пришлось столкнуться несколько лет назад при расследовании дела о пропавшей Вике Стрежиной. Тогда одна из версий вывела их к пейнт-клубу под названием «Артемиды», который очень заинтересовал обоих¹.

¹ Об этом расследовании читайте в романе Е. Михалковой «Остров сбывшейся мечты».

...Клуб был закрытым. Настолько закрытым, что Сергею с Макаром удалось собрать минимум информации о нем. Они разузнали лишь то, что фактически клуб содержат сорок человек, являющихся его членами, что ему принадлежит большая территория неподалеку от Волоколамского шоссе, охраняемая так, что постороннему человеку проникнуть на нее практически невозможно, и на этой территории находятся несколько оранжерей, конюшня, а также вертолетная площадка. Члены клуба были разбиты на небольшие группы, за каждой из которых был закреплен свой день недели. Люди приезжали в «Артемиду» утром, уезжали вечером, и никто не знал, что они делают там на протяжении многих часов. А те, кто знал, молчали.

Особенно Илюшина заинтересовал тот факт, что даже желтые газеты и журналы не упоминали об «Артемиде». Складывалось ощущение, что кто-то достаточно могущественный приложил большие усилия к тому, чтобы информация о клубе никуда не просачивалась, и ему это удалось.

Однако то, что не получилось у журналистов, удалось Сергею Бабкину. Он смог проникнуть на территорию клуба, но не смог выйти из него, и для того, чтобы вытащить напарника, Макару Илюшину пришлось самому приехать и побеседовать с Перигорским. Тогда-то они и узнали о том, для чего создана «Артемиде».

Клуб был детищем Игоря Перигорского, его вотчиной, в которой он осуществлял мечты и фантазии своих клиентов. Предположение Илюшина о том, что тот содержит дорогостоящий бордель, Перигорский с негодованием отверг: это было бы слишком мелко и плоско. В глубине души Игорю Васильевичу нравилось чувствовать себя волшебником, осознавать, насколько он могущественнее людей, приезжающих к нему. Столько,

сколько знал о них Перигорский, не знал, пожалуй, больше никто.

Сперва команда психологов проводила работу с клиентом, выясняя его подсознательные желания, препарируя наклонности и влечения, анализируя темперамент и реакции. Затем в работу включались «сценаристы»: они придумывали сюжет игры, в которой гости Перигорского могли выбрать роль себе по вкусу. Игра реализовывалась в специально созданных декорациях, и кроме гостей в ней участвовали актеры — сотрудники «Артемиды», тщательно отобранные с помощью тех же психологов.

Когда-то Перигорский не пожалел времени на то, чтобы объяснить Макару, в чем состоит уникальность его клуба, и Илюшин хорошо запомнил то, что говорил ему Игорь Васильевич.

«В основе всех наших игр, конечно, лежит сексуальное влечение, но не только оно. Вы понимаете, что наши клиенты не могут иметь недостатка в партнерах любого пола и возраста... Но ведь им нужно не только это. Представьте, что в детстве вы зачитывались историями про индейцев и воображали себя то бледнолицым, то Соколиным Глазом... А теперь вспомните наши «джунгли», вообразите индианок, захватывающих вас в плен и делающих с вами то, чего вы втайне желали, и оцените, насколько такая игра будет для вас увлекательнее, напряженнее и полнее, чем банальный секс с проституткой. Рольевые игры вечны. Наша задача — расцветить их и подогнать по мерке клиента; сделать так, чтобы наш гость поверил в перевоплощение — собственное и окружающего его мира — настолько, насколько это вообще возможно для человека в своем уме. Нет, психически больных людей среди клиентов клуба нет, поскольку они отсеиваются заранее. Вы же понимаете, мне не нуж-

ны проблемы. Я заинтересован в том, чтобы все оставалось довольны: и клиенты, и те, кто с ними работает.

Вы удивитесь, но человеческая фантазия не отличается разнообразием. Мы не испытывали сложностей с выбором антуража, в котором происходят игры. Никто из приезжающих к нам гостей не видит себя в мечтах рядом с синеволосой марсианкой среди марсианских пустынь. Лес — но обязательно первобытный, девственный — вот основа большинства сценариев, бесприорышный вариант; роскошные интерьеры Средневековья — с той степенью достоверности деталей, которая необходима для наших визитеров; обязательно — водная стихия. В разных вариантах... Но позвольте мне не открывать вам всех секретов клуба...

Среди наших гостей — только мужчины. Почему? Женщины сложнее и изменчивее. Мужчина выбирает игру себе по вкусу и затем готов менять в ней лишь детали — и так на протяжении года, двух... Мужчина хочет либо доминировать, либо подчиняться. Мужчина — и к нам с вами это тоже относится, Макар Андреевич, — прост и понятен: после того, как вы осознали, чего именно он хочет, вам довольно несложно следовать причудам его фантазии.

Женщины же непредсказуемы. Они хотят одновременно доминирования и подчинения, меняют условия игры на ходу, нарушают даже самими собой заданные правила... Сегодня они требуют одного, завтра другого, а послезавтра мы вынуждены выполнять их первоначальные требования, но с некоторыми дополнениями... Нет, это обходится слишком дорого — во всех смыслах. При этом, как ни парадоксально, лучшие сотрудники клуба — женщины. Поймите: если только вы не спрашиваете женщину, чего она хочет, и вообще не пытаетесь этого понять, а преследуете свою цель, то из нее

можно извлечь максимум заложенного природой. Женщина — это инструмент, и только. В умелых руках она может стать виртуозным инструментом, но не станете же вы говорить, что прекрасная увертюра была исполнена скрипкой.

Как вы сказали? Женоненавистник? Я? Ни в коем случае. Я отдаю им должное! Нет, не женат... А что вы, собственно, смеетесь?»

Перигорский отвел наконец взгляд от оранжереи и посмотрел на телефон: старый дисковый аппарат, стоявший на краю стола. Телефон тут же послушно зазвонил. Сняв трубку, Перигорский послушал, затем, не меняя выражения лица, сказал бесстрастным голосом: «так заканчивайте с этим поскорее» — и положил ее на место. Глаза грустного насекомого, только что доевшего последнего мало-мальски достойного противника и огорчающегося из-за этого, остановились на Сергее Бабкине.

— Я в ярости, — так же бесстрастно сообщил Игорь Васильевич. — Но к делу это не относится. Я сказал вам по телефону и повторю снова: мне хотелось бы, чтобы вы взялись за расследование этой смерти. Мой помощник, — продолжал он, жестом остановив попытавшегося что-то сказать Бабкина, — только что сообщил, что с опергруппой проблем не возникнет.

— Как это «не возникнет»? — не сдержался Сергей. — Игорь Васильевич, только не говорите, что вы купили всю группу вместе со следователем!

— А если бы и купил? — возразил Перигорский.

— Мы не будем принимать участие в сокрытии произошедшего, — спокойно, но твердо сказал Илюшин, без всяких сомнений объединив себя с Бабкиным широким «мы». — На территории вашего клуба произошло убийство, его можно раскрыть по горячим следам. Но

для этого нужно действовать быстро. А вы, кажется, собираетесь заняться любительскими поисками, только чтобы выгородить кого-то из своих...

— Вы в корне не правы, — заметил Перигорский, и слово «клиентов» осталось произнесенным. — Позвольте, я вкратце опишу, как обстоит дело.

Он покосился на телефон и продолжил:

— Как вы уже знаете, несколько часов назад одна из девушек, работающих на третьей «сцене», обнаружила тело своей... коллеги. С явными признаками насильственной смерти. Меня немедленно поставили в известность, и благодаря моему вмешательству дело было поручено не первому попавшемуся следователю, а тому, кого я хотел бы видеть. Насколько слово «хотел» вообще уместно в данной ситуации. Однако параллельно я распорядился собрать свою, так сказать, альтернативную опергруппу, которая приступила к осмотру места происшествия. Вы их видели.

— Вы не имели права... — начал Бабкин.

— В момент совершения убийства на третьей «сцене» находились четверо клиентов и четверо девушек, — перебил его Перигорский. — И больше никого!

— Откуда это известно? — вступил Макар.

— Потому что они были там с утра. Только они! Это входит в игру — я потом вам объясню подробности. Наши сценаристы очень удачно сформировали эту группу: при общем рисунке сюжета у участников практически непересекающиеся предпочтения, и все были довольны, не говоря уже о том, что озеро — лучшая наша выдумка! Но кто-то один из группы — убийца, и это может быть как девушка, так и клиент. Пока по горячим, как вы выражаетесь, следам этого не удалось установить. Хотя я надеялся. Но, как вы понимаете, в следователе, ведущем это дело, мне важен не его профессионализм, а го-

товность не дать информации выйти за пределы круга людей, которым она станет известна. Это первое его ценное качество. Потому что если о случившемся пронохают журналисты... — Перигорский поморщился. — Они вцепятся в брошенные им обрывки сведений, как крокодилы в ляжку антилопы. Огласка, скандалы... Неделю спустя вся Москва будет болтать о том, что происходит за нашими стенами. И если вы полагаете, что мне нужна реклама, то глубоко ошибаетесь. Она нас уььет.

— Но это же невозможно, — удивленно сказал Сергей. — Я имею в виду, сохранение тайны. Следовательно не один, с ним работает целая группа, и нет никакой гарантии, что кто-то не проболтается...

— Гарантии нет. Инструменты воздействия есть. И, уверяю вас, я умею ими пользоваться.

Перигорский говорил спокойно, не меняя интонации, но в последней фразе Сергею послышалось что-то угрожающее.

— И что же вы предлагаете? — нахмурился Илюшин. — Кстати, вы не сказали, какое второе ценное качество этого вашего следователя?

— Его гибкость в подходе ко многим вопросам. Он умный человек и понимает, что в его интересах, а что — нет. Поэтому мы смогли найти компромиссное решение.

— И какое же?

— Расследование ведете вы, параллельно основному, официальному. В успех их действий я не верю, но допускаю, что могу ошибаться. В вашем распоряжении мои люди. Все, сколько понадобится. И средства. Тоже — сколько понадобится.

— А если это один из клиентов? — быстро спросил Бабкин.

Перигорский вздохнул.

— Сергей, вы же сыщик, вам нельзя мыслить штампами. Вы отчего-то решили, что главной моей задачей является выгородить человека, убившего Микаэлу, если он из наших гостей. Между тем главной моей задачей является обнаружить убийцу как можно быстрее, ведь только таким образом я могу сохранить вокруг своего клуба тот режим, который обеспечивает защиту «Артемиде». Для этой цели я и предоставляю вам с Макаром Андреевичем карт-бланш на расследование: если кто-то и способен провести его быстро, так это вы.

— А ваша группа? Та, альтернативная?

— Они всего лишь исполнители, качественно делающие свою работу. Их способностей здесь будет недостаточно. Тем более что дело тонкое, деликатное. Вы же понимаете, каких людей вам придется допрашивать.

— Раз уж мы заговорили о людях... — подал голос Илюшин. — Каким образом вы собираетесь обеспечить лояльность ваших клиентов по отношению к нам?

— Они же не идиоты, Макар Андреевич. И так же, как и я, заинтересованы в том, чтобы расследование проводилось, так сказать, в рамках самого клуба и теми людьми, на молчание которых можно положиться. Кроме того... — он сделал вескую паузу, — ни одна из девушек не покинет его территорию в течение ближайших суток. У вас будет возможность допрашивать их так, как вы сочтете нужным. То же самое относится к клиентам.

— Как вы этого добились? — не смог сдержать удивления Илюшин. — И как они согласились на такие условия?

Перигорский привстал на стуле и наклонился к сыщикам, опираясь худыми руками на стол:

— Как они согласились? Видимо, понимали, что моя просьба является таковой исключительно по форме. Потому что если кто-то посмел совершить убийство у меня под носом, я считаю это вызовом лично мне. — В первый

раз в голосе Перигорского прозвучало что-то похожее на гнев. — Вернее сказать, не вызовом, а плевком в лицо! А трое суток — не такой большой срок.

Он сел на место. Илюшин и Сергей переглянулись. Поставив своих клиентов в подобные условия, Перигорский показал, что интересы расследования для него действительно выше интересов людей, которых он обслуживал.

— Как будет строиться сотрудничество с опергруппой? — спросил Бабкин, и Перигорский едва заметно улыбнулся: согласие было получено.

— Группы работают параллельно, обмениваются информацией. Других вариантов просто нет. И мне пришлось пойти на значительную уступку: нам предоставлено три дня, в течение которых мы имеем полный доступ ко всем данным, полученным прокуратурой. Затем нас отстраняют от расследования. Экспертизу проводит прокуратура, однако опрашивать подозреваемых и свидетелей, реконструировать преступление, изучать улики — все это предстоит делать и вам. С помощью моих людей, конечно же...

Он замолчал, выжидательно глядя на Илюшина и Бабкина. Из-за тучи над «Артемидой» неожиданно вывалился край сентябрьского солнца, похожего на репу, и стеклянная крыша вспыхнула в его лучах.

— Тогда не будем терять времени, — подытожил Макар, поднимаясь. — Его у нас немного.

Купол этой оранжереи был не таким высоким, как первый. Бабкину стало понятно, что он тоже из стекла, лишь когда они подошли вплотную: изнутри купол был затянут мелкой голубой сеткой, и со стороны казалось, будто огромный светло-голубой шар лежит на мокрой траве. С разных сторон к куполу вели низкие белые